

большие полномочия церковной юрисдикции путем учреждения 38 должностей суффраганов. Автор рассматривает надписи Парфенона, некоторые другие *Notitiae episcopatum*, а также послание аббата Гильдуина к Людовику Благочестивому 835 г. Эти источники позволяют ему выяснить некоторые детали положения церкви в новой митрополии и той ожесточенной борьбы, которую вела западная католическая церковь за восстановление своей власти в утраченной области. Но все эти события VIII—IX вв. изучаются автором в отрыве и от классовой борьбы и от тех изменений в социально-экономическом строе Византийской империи, которые вызывало иконоборческое движение. Это крупнейшее движение Laurent изучает лишь как догматическую борьбу, и в этом состоит порочность его работы, как и работ большинства буржуазных историков, бравшихся за исследования этого периода истории Византии.

Покойная G. Rouillard, занимавшаяся исследованиями по аграрной истории Византии, подготовила для этого тома небольшую статью, посвященную некоторым, большей частью еще неизданным хрисовулам Михаила VIII Палеолога монастырям.¹ Опубликованные ею акты могут быть использованы при исследовании прав и привилегий монастырей в поздней Византии и в частности — права иммунитета.

Две следующие статьи, принадлежащие перу R. Janin, относятся к топографии византийского Константинополя.² Обе они содержат библиографические сведения о литературе вопроса. Автор несколько расширил круг источников, привлеченных им к исследованию, по сравнению с другими учеными. В частности, он использовал агриграфическую литературу, незаслуженно пренебрегаемую многими исследователями, синаксарь Константинополя, монастырские типики, Пасхальную хронику. Для второй работы автор дополнительно привлекает *De aedificiis* Псевдо-Кодина, произведения византийских историков, хронику Георгия Амартола и Феофана. Эти топографические этюды принадлежат к типу работ *de détail*, столь характерному для буржуазной историографии нашего времени. Современные буржуазные историки не берутся за разрешение крупнейших проблем византийской истории. Они занимаются обычно мелкими вопросами, выписывая десятки отрывков из источников для обоснования какой-либо мельчайшей черты изучаемого ими явления. Это — один из показателей ограниченности буржуазного византиноведения наших дней, от которого коренным образом отличается советское византиноведение, основанное на самом передовом, марксистско-ленинском методе исторического исследования, смело ставящее и успешно разрешающее основные, важнейшие проблемы византийской истории и создающее новую, марксистскую концепцию ее развития.

R. Loenertz печатает в рецензируемом томе материалы к истории Пелопоннеса в XIV в. (1382—1404),³ еще очень мало исследованной. Помимо обычных источников, привлекаемых для изучения этого периода, автор рассматривает две морейские хроники, издававшиеся Лампросом,⁴

¹ G. Rouillard. La politique de Michel VIII Paléologue à l'égard des monastères, p. 73—84.

² R. Janin. Études de topographie byzantine. Les citernes d'Aétius, d'Aspar et de Bonus, p. 85—115; R. Janin. Topographie de Constantinople byzantine. Le port Sophien et le quartiers environnants, p. 116—151.

³ R. Loenertz. Pour l'histoire du Peloponnèse au XIVe siècle (1382—1404), p. 152—196.

⁴ S. Lampros. Βραχέα χρονικά. Ἀθήναι, 1932.